

УДК 16

Болдыгин Геннадий Васильевич
канд. филос. наук,
доцент НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Boldygin Gennadiy Vasil'evich
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

**И. КАНТ О СПЕЦИФИКЕ
ТЕОРЕТИЧЕСКОГО
И ПРАКТИЧЕСКОГО ВИДОВ
ПОЗНАНИЯ (статья вторая)**

**I. KANT ON THE NUANCES
OF THEORETICAL AND PRACTICAL
COGNITION (Article Two)**

Аннотация

Кант первым обратил внимание на то, что теоретические знания приобретаются иными средствами, чем знания практические. В статье первой рассматривались воззрения Канта на предметы теоретического и практического познания (*предметы опыта и правила поведения*). Эта вторая статья посвящена его представлениям о сути двух видов познания. Особое внимание уделено взглядам Канта на участие в теоретическом и практическом познании *рассудка, способности суждения и разума* – специфических форм познавательной деятельности интеллекта. В статье рассматриваются особенности использования Кантом ряда терминов (например, *философия, постулат*), которые в XVIII веке имели иные значения, чем в наши дни.

Ключевые слова: вечность; время; действительность; дефиниция; естествознание; заблуждение; математика; нравы; осуществление; познание; постулат; правила поведения; право; практическое; предметы опыта; проектирование; свобода; теоретическое; теория; философия; Кант; Коперник; Лейбниц; Ньютон.

Abstract

Kant was the first to open the fact that there is a difference between the way *practical rules of conduct* are learned and the way *theoretical sciences* cognate their subject matters. Article One was largely devoted to Kant's views on theoretical and practical cognitive subject matters (the objects of experience and the rules of conduct). This Article Two focuses on Kant's ideas of the two ways of cognition matter. Special attention is paid to Kant's views on the particular forms of intellectual cognitive faculty – *understanding, judgment and reason* – involved into theoretical and practical cognition. The article considers the peculiarities of a number of terms (e.g. *philosophy, postulate*) used by Kant that had different meanings from what they mean today.

Keywords: Eternity; time; actuality; definition; natural science; error; mathematics; mores; provision; cognition; postulate; rules of conduct; right; the practical; objects of experience; projection; freedom; the theoretical; theory; philosophy; Kant; Copernicus; Leibnitz; Newton.

В первой статье были рассмотрены воззрения Канта на специфические предметы *практического и теоретического* познания (*правила поведения* в первом случае и *предметы опыта* – во втором) [2. С. 120–136]. В основе тщательного разграничения им предметов различных видов познавательной деятельности лежит оригинальная концепция заблуждения, объяснение которого в методологии Нового времени оказалась неотделимым от поиска пути (*μέθοδος* – букв. путь) к истине. Задачу выявления причин, побуждающих *естественный разум*¹, предназна-

¹ Понятие *природы, естества* (φύσις) в греческой античности определялось путем его противопоставления *искусству, уменью* (τέχνη), а начиная с римской – еще и *сверхъестественному*, которое представляло главный интерес для пытливых умов Средневековья, видевших некий знак свыше, *чудо*, в любых отклонениях от *обыкновенного* и, значит, *естественного*. Сверхъестественным считалось, например, *откровение*, т. е. открытие богом знаний тем, кто не предпринимал для этого никаких интеллектуальных усилий, но был избран им в качестве медиума для сообщения остальным людям истины. В Новое время значительно возрос авторитет *естественного разума* (не

ченный для приобретения знаний, то и дело попадать в тупики незнания, решали и Ф. Бэкон с его учением об *идолах*, и Р. Декарт, полагавший *волю*, а точнее, ее недостаточность к последовательному рассмотрению всех звеньев в цепи умозаключений – главной причиной скороспелых выводов. По-своему трактовали путь к знанию и причины отклонения от него Спиноза и Беркли, Локк и Лейбниц, другие выдающиеся умы XVII–XVIII вв.

Кант не разделял иллюзий многих методологов своего и более позднего времени, надеявшихся получить универсальную отмычку ко всем тайнам мира с помощью воспроизведения пути *естественного разума* к истине. Не ставил он перед собой и задачу научить любого желающего делать научные открытия, прекрасно понимая, что нужная для этого *проницательность* – уникальный и непередаваемый *дар природы* [13. С. 253]. «Я не занимаюсь эволюцией... понятий (все действия, благодаря которым порождаются понятия)...» – формулирует Кант для себя своеобразный методологический запрет в набросках к первой *Критике* [15. С. 77]. А в самой *Критике* Кант осуществляет ревизию понятия *метод*, отказываясь видеть в нем *органон*, но только – *канон*, под которым еще в эпоху эллинизма стали понимать не только стандартную полоску свинца, длина которой соответствовала обхвату будущей колонны, но прежде всего – *критерий*, очень часто (но далеко не всегда) критерий истины. Цель Канта – создать с помощью *критики разума* критерий, позволяющий строго разграничивать области правильного применения той или иной познавательной способности: «Под каноном я разумею совокупность основоположений *a priori*, касающихся правильного употребления некоторых способностей познания вообще» [5. С. 1001].

Воззрениям Канта на *метод* соответствовала и его концепция заблуждения, предполагающая, что у каждой познавательной способности – *чувственности*, *рассудка*, *разума* – имеется своя область применения, за границами которой она бессильна что-либо постичь так же, как другие способности не могут выполнять ее специфические познавательные функции в подведомственной ей сфере. Рассудок и разум не могут созерцать, чувственность – судить, а рассудок, познающий вместе с чувственностью *предметы опыта*, не способен познавать предметы, которые находятся в эксклюзивной компетенции разума. Попытки применять познавательные способности к недоступным для них объектам (а точнее, приписывание им такой возможности) приводят, по Канту, к заблуждениям, предупреждение которых он рассматривает в качестве главной задачи *критики разума*: «... величайшая и, быть может, единственная польза всякой философии чистого разума только негативна: эта философия служит не органом для расширения, а дисциплиной для определения границ, и, вместо того чтобы открывать истину, у нее скромная заслуга: она предохраняет от заблуждений» [Там же. С. 1001].

Разграничению *объектов* и *предметов*, *областей* и *территорий*, доступных различным познавательным способностям и видам познания, Кант уделял в *Критиках* основное внимание, поскольку «в делении той или иной науки разума всё зависит от различия предметов, познание которых требует различных принципов...» [8. С. 81]. И всё же в опубликованных работах и черновиках Канта можно найти отдельные высказывания, позволяющие с той или иной степенью достоверности реконструировать его представления не только о предметах теоретического и практического видов познания, но и о некоторых других особенностях этих ви-

изуродованного искусственно навязываемыми обществом *предрассудками*), самостоятельно (и это было очевидно), без помощи *откровения*, создавших новую науку. А уже в XVIII в. выражение *естественно* стало синонимом оборота «само собой разумеется». «...Нет ничего более естественного, – писал, например, Кант, – чем подразумевать под словом *естественно* все то, что должно происходить надлежащим и разумным образом...» [6. С. 31].

дов интеллектуальной деятельности. Правда, этих суждений немного и почти каждое из них требует пояснений и отступлений, иногда довольно объемных.

Одно из высказываний о двух видах познавательной деятельности находится в *Предисловии* ко второму изданию *Критики чистого разума*. Здесь Кант, рассуждая о *разуме* (*die Vernunft*), утверждает, что «его познание (*ihre Erkenntnis*) может относиться к своему предмету двояко, а именно: либо просто давать *определение* этому предмету и его понятию (которое должно быть дано другим путем), либо *делать* его *действительным*. Первое означает *теоретическое*, а второе – *практическое познание разума*» [5. С. 10, 11]².

Для современного читателя (особенно русскоязычного) в этих суждениях Канта о двух видах познавательной деятельности загадочно почти всё – и отдельные термины, и их сочетания. Все они способны вызвать не один вопрос. Первый и главный из них – о значении слова *разум* в отношении *его теоретического познания*. Раскрытие значения этого слова и самого Канта нередко ставило в *затруднительное положение* [Там же. С. 461], истоки которого не только в том, что он весьма скептически относился к дефинициям вне математики³, но и в его попытках (иногда удачных, а иногда и не очень) ограничить нужными ему значениями слова повседневного языка, где они многозначны и где отсутствуют строго сформулированные правила их употребления. Да и сам он использует слово *die Vernunft* не в единственном значении, а, по меньшей мере, в трех, иногда раскрывая их, а чаще – оставляя читателю возможность самостоятельно расшифровывать смысл прочитанного.

Во-первых, слово *разум*, и это общеизвестно, Кант использует в качестве аналога латинского «*ratio*», т. е. в значении *интеллекта вообще*, без дифференциации его на *рассудок*, *способность суждения* и собственно *разум*. О таком значении Кант говорит, например, в *Архитектонике чистого разума* – предпоследней главе первой *Критики*: «Под разумом... я понимаю здесь всю высшую способность познания и, следовательно, противопоставляю рациональное (*das Rationale*) эмпирическому (*dem Empirischen*)» [Там же. С. 1047]. Однако в том же значении *интеллекта вообще* Кант нередко использует и слово *рассудок* (*der Verstand*), который «есть нечувственная (*nichtsinnliche*) способность познания» [Там же. С. 157]. Немного далее, рассуждая о *высших способностях познания*, он пишет: «Эти способности суть *рассудок*, *способность суждения* и *разум*... которые все вместе называются *рассудком вообще* в широком смысле этого слова» [Там же. С. 247].

Кант, конечно же, осознавал условность расщепления им единого *ratio* (*интеллекта вообще*) на отдельные *познавательные способности* и присвоения им немецких имен *die Vernunft*, *der Verstand* и *die Urteilskraft*. Эти термины он ис-

² «... Ihre Erkenntnis kann auf zweierlei Art auf ihren Gegenstand bezogen werden, entweder diesen und seinen Begriff (der anderweitig gegeben werden muß) bloß zu bestimmen, oder ihn auch *wirklich zu machen*. Die erste ist *theoretische*, die andere *praktische Erkenntnis* der Vernunft» [5. С. 10]. Следует отметить, что словосочетание *die Erkenntnis der Vernunft*, по странной традиции, начало которой в 1964 г. положил 3-й том кантовских сочинений, переводится (причем только в этом отрывке) русским оборотом «*познание разумом*», намекающим на его способность самостоятельно, без помощи чувственности и рассудка, познавать свои предметы *теоретически* [5. С. 11–12]. Но в немецком языке нет творительного падежа. Когда нужно указать, что данное существительное является средством и отвечает на вопросы *кем? чем? с помощью чего* или *кого?*, немцы используют дательный падеж (*Dativ*) и предлог *s* (*mit*). Только словосочетание *die Erkenntnis mit der Vernunft* можно было бы перевести как *познание разумом*. Н. О. Лосский, перевод которого *Критики чистого разума* был взят за основу ее первого советского издания и последующих российских, перевел *die Erkenntnis der Vernunft* словосочетанием *познание разума*, используя слово *разум* в родительном падеже, как того требуют нормы немецкого и русского языков [4. С. 1].

³ «... Только математика имеет дефиниции», – утверждал Кант [5. С. 925], неоднократно повторяя, что «философия не может подражать методу математики в построении дефиниций» [Там же. С. 927].

пользует не для обозначения неких реальных субстанций, самодостаточных *causa sui*, обособленно сосуществующих и самостоятельно действующих в головах у людей, а для фиксации специфических приемов человеческого интеллекта при решении различных познавательных задач. И делает он это с помощью слов повседневного языка, где они плохо различимы и нередко взаимозаменяемы. Но, как мы видели, трудно различимыми и взаимозаменяемыми они бывают и у Канта.

Во-вторых, словом *разум*, когда Кант отличает его от *рассудка*, обозначается преимущественно практическая *познавательная способность*, основная функция которой – познавать *практические правила поведения* и на их основе руководить поступками людей⁴. Если в данном отрывке из *Предисловия* слово *разум* используется в этом значении, тогда под *теоретическим* познанием *разума* подразумевается использование практической познавательной способности не по назначению – для *спекулятивных* умозаключений о *понятиях разума*, которые «критика относит к идеям, за пределами для нашей теоретической способности познания» [5. С. 69].

Однако из следующего абзаца становится ясно, что это предположение неверно. В этом абзаце Кант, рассуждая о *разуме* и *его теоретическом познании*, имел в виду не квазитеоретические спекуляции руководителя наших практических действий⁵, а рациональную составляющую *математики* и *физики*. Только эти две науки, говорится здесь, «являются теоретическими познаниями разума» [Там же. С. 11]⁶. Иными словами, в исследуемом выражении *теоретическое познание разума* Кант использует слово *разум* в значении *интеллекта вообще*, с которым хорошо знаком будущий читатель по привычной уже с XVII в. оппозиции *рациональное – эмпирическое*.

Этот предполагаемый новый читатель, к которому и обращено *Предисловие*, в отличие от нас и, разумеется, его автора, еще не знает, что *Критика чистого разума* посвящена главным образом *теоретическому познанию* – этому *единоличному владению рассудка*, как будет сказано в последней *Критике* [8. С. 71]. Именно поэтому Кант даже утверждал, что первая часть предпринятой им *критики разума*, под названием *Критика чистого разума*, посвящена на самом деле *критике чистого рассудка*, вторая – *критике способности суждения*, хотя посвященная ей книга вышла последней, а *критике чистого разума* – только третья часть, т. е. *Критика практического разума*, на самом деле, вторая по времени написания и издания⁷. «Чистый разум сам по себе, – утверждал в ней Кант, – есть практический разум...» [6. С. 351].

Будущему читателю еще предстоит узнать, что *разум* – это тот же самый *рассудок*, когда он начинает осмысливать поведение людей, которое направляется не внешними для них *действующими причинами*, а *целями*, порождаемыми их собст-

⁴ «... В практической области... мы прежде всего ищем у разума лишь *предписания* для поведения...» [5. С. 1009].

⁵ «Теоретическое познание бывает спекулятивным, если оно направлено на такой предмет или такие понятия о предмете, к которым нельзя прийти ни в каком опыте» [5. С. 815].

⁶ «*Mathematik und Physik* sind die beiden theoretischen Erkenntnisse der Vernunft, welche ihre *Objekte a priori* bestimmen sollen, die erstere ganz rein, die zweite wenigstens zum Teil rein...» [5. С. 10]. Ср. с приводившимся в первой статье высказыванием из *Пролегоменов*: «...мы можем ссылаться только на две науки теоретического познания..., а именно на *чистую математику* и *чистое естествознание*; ибо только они могут показать нам предметы в созерцании, когда в них имеет место априорное познание...» [10. С. 33].

⁷ «...Критика чистого разума... состоит из трех частей: из критики чистого рассудка, критики чистой способности законов суждения и критики чистого разума...» [8. С. 97–99]. Кант бывает подчеркнуто не историчен. Он ведь искал вечные и неизменные *законы разума*. Последовательность же их открытия не должна иметь какого-либо значения ни для самих этих законов, ни для читателей его книг.

венными желаниями, свободными от принуждения чувственности. «... Кроме того отношения, в котором *рассудок* находится с предметами (в теоретическом познании), он имеет еще отношение и к способности желания... тогда чистый *рассудок* (который в этом случае называется разумом)... есть практический разум», – говорится во второй *Критике* [6. С. 55]⁸.

А пока, в *Предисловии* к первой *Критике*, Кант в выражении *теоретическое познание разума* использует слово *разум* без противопоставления его *рассудку* и, скорее, даже в значении *рассудок*. Так что термин *разум*, когда речь идет о его *теоретическом познании*, позволительно заменять словом *рассудок* (или хотя бы помнить о такой возможности) и лишь с большими оговорками использовать для этой цели сугубо авторскую метафору Канта *теоретический разум*, с помощью которой он иногда сокращает свое же, но более развернутое выражение *разум в его теоретическом употреблении*. Впрочем, авторскими метафорами, как мы видели, являются в *Критиках* и более простые термины: *разум, рассудок, способность суждения*.

В-третьих, словом *разум* Кант обозначает также особую функцию интеллекта, которую он называет *логической формой познания*. В силлогизме функция *разума* – это *умозаключение*, или *вывод* (conclusio), из имеющихся посылок. Функция же *рассудка* при построении силлогизма *законодательная* (gesetzgebend) и состоит в создании *большой посылки* (major), в которой задается, по Канту, некоторое *правило* (eine Regel). Функцию создания меньшей посылки (minor) Кант называет *способностью суждения*, которая *есть особый талант рассудка*, состоящий в умении различать, *подчинено ли нечто данному правилу или нет*, а его отсутствие *есть, собственно, то, что называют глупостью* [5. С. 249–251, 467]⁹. Эту особую способность *рассудка* *подводит* представления *под правила* в последней *Критике* Кант называет *определяющей* способностью суждения и противопоставляет ей *рефлектирующую* способность, лежащую в основе *эстетических и телеологических суждений*¹⁰. Исполняя формально-логическую функцию, *разум* безразличен к содержанию посылок, на которые опираются его умозаключения, а потому действует одинаковым образом во всех случаях его *употребления* – *практическом, спекулятивном, теоретическом*.

В *теоретическом познании*, где *законодательство* (Gesetzgebung) путем суждений о *предметах опыта* осуществляет *рассудок*, Кант запрещает *разуму* быть *законодательствующим* (gesetzgebend), позволяя ему быть только лишь *знающим законы* (gesetzkundig), которые *рассудок предписывает природе* [8. С. 87]. *Разуму*,

⁸ Здесь Кант идет вслед за перипатетиками. Аристотель относил *желание* к *стремлениям* как свойствам *души*, непосредственно побуждающим человека к действиям. Знания, включая практические, он считал хотя и необходимыми, но все же недостаточными условиями реальных действий человека: «... не знание, а другая сила вызывает действие, согласное знанию», поскольку «сведущий во врачебном искусстве не обязательно лечит» [1. 433 a5–10]. «Даже когда ум предписывает, а размышления подсказывают чего-то избегать или добиваться, не побуждаются этим к действию, а поступают согласно желанию, как, например, невоздержанный человек...» [Там же]. По Аристотелю, человека «к пространственному движению» побуждают «ум и стремление», «а именно ум, размышляющий о цели, т. е. направленный на деятельность; от созерцающего ума он отличается своей направленностью к цели» [Там же. 433 a10–15]. У Канта аналог аристотелевского *созерцающего* (теоретического) *ума* – это *рассудок*, а *ума, размышляющего о цели*, – *практический разум*.

⁹ «Все действия *рассудка* мы можем свести к суждениям, следовательно, *рассудок* вообще можно представить как *способность суждения* (ein Vermögen zu urteilen)» [5. С. 158, 159]. Далее Кант в рассуждениях о познавательной деятельности *рассудка* наряду с термином *Vermögen zu urteilen* использует и его синоним – *die Urteilstkraft*.

¹⁰ «Если дано всеобщее (правило, принцип, закон), то способность суждения, которая подводит под него особенное... есть *определяющая* способность. Но если дано только особенное, для которого надо найти всеобщее, то способность суждения есть чисто *рефлектирующая* способность» [8. С. 99].

выполняющему в *теоретическом познании* исключительно формально-логическую (вспомогательную) функцию, только и остается «путем умозаключений делать из данных законов выводы, которые никогда не выходят за пределы природы» [8. С. 87].

В отличие от *суждений* рассудка разум, использующий эти суждения в качестве исходного материала своих *умозаключений*, не контролируется созерцаниями, что позволяет недисциплинированному *разуму*, полагал Кант, принимать создаваемые им самим идеи (*понятия разума*) за теоретические *выводы* из *понятий рассудка*¹¹. Следствием неразличения *понятий рассудка* и *понятий разума* являются, по его убеждению, попытки использовать приемы теоретического (математического и естественно-научного) познания *предметов опыта* для познания недоступных чувственному созерцанию *мира в целом*, *Бога* как творца этого мира, свойств бестелесной *души*, которые делают ее бессмертной, способной управлять человеческим телом и нести в вечной жизни ответственность за результаты этого управления.

Недоказуемость подобных квазитеоретических выводов с помощью средств, используемых в *науках теоретического познания*, и непрекращающиеся попытки все-таки доказать (или опровергнуть) их свидетельствуют, по Канту, лишь о неустранимости познавательного интереса людей к этим *понятиям разума*, которые он *не заимствует ни из чувств, ни из рассудка* [5. С. 461]. Но этот интерес – не теоретический, требующий познавать истину независимо от того, полезно такое знание или бесполезно, прекрасна истина или безобразна, желанна она или отталкивающе отвратительна, а практический, цель которого – обосновывать с помощью собственных идей тот или иной желанный способ взаимоотношений между *лицами*.

Разум человека, которому желанен мир, где все разумные существа следуют *моральному императиву*, категорически требует свободы для каждого как признание его разумности и вменяемости и так же категорически постулирует *существование бога* как всеведущего и справедливого судьи, которому ведомы не только внешние обстоятельства наших поступков, но и наши мотивы¹². Следование моральному императиву также категорически требует *бессмертия души*, чтобы *в конце веков*, узнав об отдаленных последствиях своих поступков, она могла убедиться в справедливости приговора *Страшного суда*.

Прагматические же императивы выражают, правда не категорически, а в форме *совета*, – желание мира, в котором все *благоразумно* стремятся к собственной *длительной выгоде* и, используя ради этой цели других *лиц* исключительно в качестве *средства*, добиваются собственного и, значит, *всеобщего счастья*, понимаемого, однако, каждым на свой собственный лад. Напомним, в *Основоположении метафизики нравов* Кант определяет *благоразумие*, цель которого – достижение *счастья*, двояко: как «*искусность* человека оказывать влияние на других, чтобы использовать их в своих целях» и как «*знание* того, как объединить все эти цели для собственной длительной выгоды» [6. С. 126].

Любая *идея*, будучи *понятием разума*, имеет, по Канту, практический характер [5. С. 493–495]. *Природа* же – это такая *идея*, которая требует с категоричностью не меньшей, чем у морального императива, исключения *свободы* из мира

¹¹ «...Если чистый разум и направлен на предметы, то всё же он не имеет непосредственного отношения к ним и к созерцанию их, а относится только к рассудку и его суждениям, которые уже прямо обращаются к чувствам и их созерцаниям, чтобы определять их предмет» [5. С. 471].

¹² Кант, конечно же, знал буквальное значение латинского слова «*postulatum*» – *требование*. Знал он и то, что *революция* Коперника, изложенная в его *De Revolutionibus Orbium Coelestium* (О вращениях небесных сфер), основывалась на *7 постулатах*, превращающих гелиоцентризм из математической модели, облегчающей расчеты, в учение о реальном строении мира и реальных движениях светил.

предметов опыта и, следовательно, исключения возможности практического осуществления разумных целей¹³. И всё же идея природы, не допускающая даже малейшего своеволия, тоже практична: с ее помощью материализм, фатализм, атеизм и неверие, корни которых Кант надеялся подрезать с помощью своей критики [5. С. 37], оправдывают моральную безответственность своих адептов. Создаваемые разумом для этой (глубоко несимпатичной Канту) практической цели три понятия природы, исключающие свободу воли, тем не менее выполняют в теоретическом познании важнейшую функцию, которую он называет регулятивной¹⁴. В хозяйстве чистого разума всему, что создано самим этим разумом, даже безбожию, Кант находит место и применение¹⁵.

Идея природы, по Канту, направляет рассудок на все более полное познание предметов опыта, возникновение и изменение которых неподвластно чьему-либо произволу, включая божественный [8. С. 71]. Естествознание конца XVIII века уже не нуждалось в ссылках на сверхъестественное. В них нуждалась метафизика. Кант, отвергавший рецидивы не любимой им физикотеологии, писал: «Объяснять способы устройства природы или их изменение, прибегая для этого к помощи Бога как первооснователя всех вещей – это, по меньшей мере, не физическое объяснение; это... означает признание в том, что с философией здесь покончено, так как, для того чтобы составить себе понятие о возможности того, что мы видим собственными глазами, приходится допустить нечто такое, о чем вообще не имеют никакого понятия» [6. С. 667].

Возвращаясь к отрывку из Предисловия, где говорится о двояком отношении разума к своему предмету, отметим: удивление у современного читателя может вызывать и трактовка теоретического познания, которое, как считает Кант, состоит в том, чтобы «определять предмет и его понятие (которое должно быть дано другим путем)». На самом деле, здесь не один, а три и даже четыре вопроса: что означает определять предмет? что означает определять его понятие? почему эти определения составляют суть теоретического познания? что имел в виду Кант, говоря о другом пути, которым дается нам понятие предмета теоретического познания?

Пожалуй, легче всего ответить на последний вопрос. Кант не считает теоретическим познанием безотчетное подчас формирование понятий, среди которых немало таких, которые мы после зрелых размышлений признаем ложными. Он, как уже отмечалось, не разделяет иллюзий относительно эвристических возможностей воспроизведения пути разума от незнания к знанию. Теоретическое познание для Канта – это сознательная деятельность интеллекта, который исследует и корректирует спонтанно сформировавшиеся эмпирические понятия, а в математике еще и конструирует новые понятия.

Не так сложно ответить и на вопрос о том, что означает определять предмет, если вспомнить разнообразные справочники-определители, в которых изображения различных предметов и вербальные описания их характерных особенностей позволяют узнавать встретившиеся растения, животных, минералы и т. п. Изо-

¹³ В предыдущей статье отмечалось, что слова практическое, разумное, свободное для Канта почти синонимы [2. С. 123].

¹⁴ «Понятия разума, или идеи, никак не могут относиться к действительным предметам... идеи служат для руководства рассудка разумом... например – идея мирового целого, которая должна быть необходимой не в качестве конститутивного принципа для эмпирического применения рассудка, а в смысле лишь регулятивного принципа для потребности полной связи нашего эмпирического применения рассудка» [8. С. 347].

¹⁵ Экономическую категорию хозяйство Кант использует, рассуждая о сферах теоретического и практического познания: «И в той и в другой сферах следует предварительно изложить... тот раздел, в котором разум определяет свой объект целиком *a priori*, и не смешивать с этим полученное из других источников. Ибо то хозяйство (*die Wirtschaft*) дурно, в котором заработанное расходуется как попало...» [5. С. 11].

бражение в подобных *определителях* (рисунок или фото) – это то, что Кант называет *представлением* предмета, а вербальные описания его существенных чувственно воспринимаемых признаков образуют *понятие рассудка*¹⁶. Следовательно, *определять предмет* означает с помощью *способности суждения* устанавливать, соответствует ли данный предмет тому или иному понятию, например понятию *морского единорога*, или нет. Отсюда и парадоксальный, только на первый взгляд, *коперниканский переворот* Канта, предлагающий отказаться от убеждения, что *наши познания будто бы должны соотносываться с предметами*, в пользу *предположения, что предметы должны соотносываться с нашим познанием* [5. С. 17].

Гораздо больше затруднений для читателя может вызвать словосочетание *определение понятия*, прежде всего потому, что затруднения с этим термином испытывал и Кант. Он, разумеется, не хуже первокурсника, только начавшего изучать логику, мог бы дать краткую дефиницию этого термина (и он неоднократно это делает), перечислить виды и способы *определений*. Но Кант, вглядываясь в суть мыслительной операции под названием *дефиниция*, приходит к выводу, что ни в одной науке, кроме математики, дефиниции невозможны. «Основательность математики зиждется на дефинициях, аксиомах и демонстрациях. ... Ничто из перечисленного в том значении, какое оно имеет в математике, не применимо в философии и не может быть предметом подражания. ...» [Там же. С. 921].

Противопоставляя философию математике, Кант подразумевает под *философией* не вполне то и даже совсем не то, что понимает под этим словом большинство наших современников. Термин *философия* на рубеже XVIII–XIX вв. под влиянием научной революции и секуляризации интеллектуальной и общественной деятельности начал приобретать новые смыслы, которые к концу XIX века, как кажется, окончательно вытеснили из круга его значений особого рода *любовь*. Кант внес немалый вклад в создание нового облика философии, используя обозначающее его слово и в прежних значениях, и в новом, только что нарождающемся¹⁷. Во всех случаях противопоставления им философии и математики слово *философия* используется не как обозначение особой науки наряду с другими науками, например с физикой, химией, биологией, а примерно в том же смысле, в каком его использовал И. Ньютон, назвавший свою физику *Математическими началами натуральной философии*, или К. Линней биологические исследования – *Философией ботаники*, или Ж.-Б. Ламарк собственную биологическую доктрину – *Философией зоологии*, или А. Вольтер свой чисто исторический труд – *Философией истории*. Слово *философия* употреблялось ими в древнем значении *любви к знанию*, любви, которая, не будучи сама наукой, является *матерью всех наук*, подобно пифагорейской *монаде*, которая, не будучи сама *числом*, рождает все числа¹⁸. Термином *философия*, начиная с эпохи эллинизма, обозначали и отдельные

¹⁶ «Так как никакое представление, кроме созерцания, не направлено на предмет непосредственно, то понятие никогда не относится к предмету непосредственно, а относится к какому-то другому представлению о нем (все равно, созерцание оно или уже само понятие)» [5. С. 157–159].

¹⁷ Особенно много определений *философии*, которые должны были примирить старые и нарождающиеся значения этого слова, дается в *Архитектонике чистого разума* – предпоследней главе первой *Критики*.

¹⁸ В пифагорейской и во всей античной математике числа ассоциировались с пространственными характеристиками, присущими всему существующему. Поэтому у древних эллинов *числа* бывали не только *дружественными* и *враждебными*, *мужскими* и *женскими*, *совершенными* и *т. п.*, но и *продолговатыми*, *квадратными*, *круглыми*, *кубическими*. Монада (единица) ассоциировалась с математической *точкой*, которая не имеет ни ширины, ни длины, ни, тем более, глубины, и именно поэтому *числом* не считалась. Однако две *монады* соединенные прямой, *рождали* первое (причем *женское*) число – *два* (прямолинейный отрезок), три монады – второе (уже *мужское*) число *три*, наглядный образ которого треугольник или плоскость, четыре *монады* ассоциировались с первым геометрически телом – *тетраэдром* (см. Гайденко П. П. Эволюция понятия науки (Становление и развитие первых научных программ). – М. : Наука, 1980). Убеждение в том, что

теоретические науки, и как общее наименование этих наук, подчеркивая их не-утилитарную любовь к знанию в противоположность полезным практическим наукам, таким как медицина, право, а по Роджеру Бэкону – еще алхимия, астрология и магия¹⁹. Современный рудимент антично-средневекового понимания философии – сохранившаяся в англоязычных и французских университетах ученая степень PhD (доктор философии), присваиваемая и физикам, и биологам, и химикам, но никогда – представителям практических дисциплин, например юристам и медикам, для которых предусмотрены степени доктор права и доктор медицины.

Кант, преподаватель философского факультета, читал самые разные учебные дисциплины, включая физику и географию, но он никогда не читал философию. И никто тогда не читал курсов с названием философия. Кант только начинал очерчивать специфическую проблематику особой формы знания, отличную от конкретных или частных наук, как их станут называть в скором будущем. Он уже видит и обосновывает отличие математизированного естествознания от этимологически равной ему, но не имеющей математического аппарата физики, которую он называет иногда философией природы, чаще же – метафизикой природы и которую, в соответствии с ее проблематикой, в наши дни могли бы назвать философией физики. Первым философию как самостоятельную научную и учебную дисциплину стал читать Фихте с первой в европейской истории образования кафедры философии в только что созданном (в 1809 г.) Берлинском университете. А Гегель создал целую систему философских наук, выполняя свое намерение «способствовать приближению философии к форме науки – к той цели, достигнув которой она могла бы отказаться от своего имени любви к знанию и быть действительным знанием» [3. С. 3].

Стародавней была и традиция противопоставлять философию не только практическим наукам, но и такой теоретической дисциплине, как математика, которая, как считалось, мыслит не телесные вещи, а только некоторые их формы, благодаря абстрагированию лишенные материи. С точки зрения средневековых перипатетиков, убежденных в том, что главный критерий существования (existentia) вещи – это занимаемое ею место, математика рассуждает о нереальном (невещественном) мире, в котором будто бы существуют самые разные, в том числе иррациональные, числа, не имеющие размеров точки, не имеющие толщины идеально прямые и кривые линии, а также образуемые ими плоскости, фигуры и тела. В математике доказательство осуществляется демонстрацией непротиворечивости теорем другим мыслям, принимаемым без доказательства, – аксиомам, определениям и постулатам. Философия в рамках ее противопоставления математике истолковывалась как общее название теоретических наук о телесных вещах, цель которых – познание причин и доказательство того, что именно эти, а не какие-либо иные причины вызвали к жизни то или иное действие²⁰. Этот способ аргу-

число пространственно, ставило границы греческой математике – в ней не могло быть чисел в степени больше трех.

¹⁹ Подробнее см.: Болдыгин Г. В. К истории слова «философия» // Вестник Гуманитарного университета – 2013 – № 1. – С. 127–138; Болдыгин Г. В. Истина или польза. – Saarbrücken : LAP, 2013. – С. 97–113; Boldyguin G. V. On The Meaning of the Word «Philosophy» (on History of the Word) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2013. – Vol. 6, Issue 11. – P. 1599–1609.

²⁰ Так, Андреас Осиндер, издатель главного труда Коперника, противопоставлял философа астроному, а философию – астрономии, считавшейся (в отличие от космологии) математической дисциплиной, в которой возможны любые вспомогательные построения (например, вращающиеся в разных направлениях и с разной скоростью эпициклы, центры которых движутся по деферентам, в центрах которых – Земля), не претендующие на описание реальной структуры космоса и реальных движений светил. «...Наука совсем не знает простых и глубоких причин видимых неравномерных движений. (...) Поскольку же для объяснения одного и того же движения предостав-

ментации получил название *доказательства из причин*. Особое положение занимали *рациональные теология и психология*, доказывающие из причин *виртуальное* существование бестелесных бога и души, не занимающих никакого *места*²¹.

Противопоставление математики и *философии* не было забыто и в XVIII веке. Дж. Толанд, например, а вместе с ним и другие оппоненты Ньютона упрекали его за использование в *натуральной философии*, обязанной, по их убеждению, доказывать *из причин*, таких математических понятий, как *материальная точка*, не имеющая размеров, но обладающая *массой*, *абсолютное*, т. е. независимое от *вещей*, *истинное*, или *математическое*, протяжение (*spatio*) и такое же *время*, и созданных на их основе математических построений, которые он в подражание Евклиду назвал *Началами*. В континентальной Европе Ньютона еще долго считали *математиком*, противопоставляя ему *настоящих физиков* – Декарта и его последователей, постоянно апеллировавших к математике, но считавших обязательным для себя и для других указывать на материальные причины, вызывающие исследуемые явления²². Лейбниц, хотя и полемизировал с Ньютоном по поводу многих понятий *натуральной философии*, все же считал, в отличие от других критиков, вполне допустимым применение математики к познанию телесных *вещей*, поскольку она тоже доказывает *из причин*²³.

Ньютон, объясняя *причину* несовместимой с механицизмом *силы тяготения*, подозрительной в глазах современников, искоренявших малейший намек на средневековые *скрытые качества*, вначале утверждал, что эту силу вкладывает в вещи Бог и добавляет ее по мере расходования²⁴. Затем, окончательно осознав, что в задачу *математических начал* созданной им *философии природы* входит не отыскание причин, которые со времен Демокрита считались главной целью теоретического познания, но только – возможный результат взаимодействия материальных объектов при любых произвольно заданных параметрах, он отказался обсуждать вопрос о причинах тяготения (*гипотез я не измышляю*), полагая достаточным то, что он может *измерить* его силу.

И если Ньютон завершил начатую Галилеем математизацию физики, то Кант математизировал *предметы опыта*, восприятие пространственно-временных характеристик которых обусловлено одинаковым у всех людей устройством органов

ляются различные гипотезы... то астроном скорее примет ту, которая будет самой легкой для понимания. Философ, вероятно, потребует в большей степени похожую на истину, однако никто из них не сможет ни постичь что-нибудь истинное, ни передать это другим, если это ему не будет сообщено Божественным откровением», – утверждал осторожный издатель в написанном им предисловии «*О предположениях, лежащих в основе этой книги*» [22. С. 549].

²¹ См. рассуждения докритического Канта о *виртуальном* существовании (*Dasein*) в *телесном мире нематериальных вещей* [18. С. 313].

²² Например, *математиком*, но не *физиком* называет Ньютона *ученый*, к которому обратился за помощью герой повести О. Бальзака «Шагреновая кожа». А это уже 30-е годы XIX века,

²³ Лейбниц опровергал «схоластиков», которые «старались всеми способами исключить математику из числа настоящих наук, опираясь, главным образом, на тот аргумент, что геометрия доказывает свои положения не из причин» [23. С. 93–94]. Перетолковывая Аристотеля, он убеждал себя и других, что функциональные зависимости в математике по-своему выражают причинно-следственные связи *вещей*, а потому «геометрия доказывает именно из причин» [Там же].

Противопоставление математики остальным теоретическим наукам не забыто и в наши дни. В современной англоязычной *философии науки* математика – не *science*, а значит, как и в средневековой схоластике, не *настоящая наука*. Зато в российской системе ученых степеней дело обстоит совершенно иначе: защитивший диссертацию по математике получает степень кандидата (доктора) *физико-математических наук*. Такие же *физико-математические* степени присваиваются и защитившим свои диссертации физикам.

²⁴ Лейбниц, выражая общее мнение оппонентов Ньютона, писал: если считать *притяжение* чем-то действительным, «тогда придется прибегать к чуду или к нелепостям вроде “скрытых качеств” схоластиков, которые теперь снова преподносятся нам под благовидным названием сил, но которые ведут нас обратно в царство тьмы» [23. С. 498].

чувств – *априорными формами чувственности*. Вслед за Юмом он переосмысливает и понятие *причины*, которая в *трансцендентальной философии* превратилась из *вещи*, вызывающей изменения в других телесных *вещах*, в одну из *категорий* рассудка, которые совместно с *априорными формами чувственности* упорядочивают хаотичный материал ощущений в *предметы опыта*. Только такая трактовка *предметов опыта*, полагал Кант, может объяснить, каким образом *геометрия и философия* *подают друг другу руку в естествознании* [5. С. 921].

Однако идущие *рука об руку* две отрасли знания «совершенно отличны друг от друга и потому не могут копировать методы друг у друга» [Там же]. Прежде всего, считает Кант, это касается как раз *дефиниций*. Но почему он, утверждавший, что *определение* – это суть *теоретического познания*, скептически относится к дефинициям в той области знания, которую в его время называли *философией*, т. е. именно в *теоретическом познании предметов опыта*?

Русское слово *определение* – это калька латинского «*definitio*», означающего установление *пределов* возможных значений термина, за границами которых его употребление недопустимо. Не так в немецком языке, где слово *die Bestimmung*, используемое в качестве синонима латинизма *die Definition*, имеет и другие значения, большая часть которых (например, *назначение, предписание, распоряжение*) связана не с беспристрастным теоретическим *созерцанием*, а с волевым практическим *решением*. Кант не раз сетует на несовершенство немецкого языка (см., напр.: [Там же. С. 925]), допускающего возможность двойственного истолкования термина *дефиниция*. Одно из них – это *обозначение* вещи (*die Bezeichnung der Sache*), или *словоопределение* (*die Wortbestimmung*) [Там же. С. 922], которое «просто заменяет название вещи другими, более понятными словами» [Там же. С. 315]. Канта интересует не *обозначение*, не *определение слова*, а *определение понятия*, или «реальная дефиниция», которая «содержит в себе ясный *признак*, в соответствии с которым *предмет (definetum)* всегда может быть с уверенностью узнан, так что объясняемое понятие становится пригодным для применения» [Там же. С. 315–317].

Именно *определение понятия* Кант связывает с сутью *теоретического познания* и хочет в качестве единственного закрепить это значение за словом *die Definition*, ссылаясь при этом на буквальное значение латинского термина: «*Давать дефиницию* – это значит... как видно из самого термина, изначально давать подробно-обстоятельное изложение понятия вещи в его границах» [Там же. С. 921]. В примечании к этому предложению Кант поясняет, что следует понимать под *обстоятельностью, границами понятия* и почему дефиниция *не нуждается в доказательстве*²⁵. В результате оказывается, что кантовским критериям соответствуют только математические дефиниции, *обстоятельность* которых обеспечивается тем, что вербальное определение понятия, например, треугольника есть одновременно *конструирование* предмета в *чистом созерцании*, «и этот предмет, несомненно, не может содержать в себе ни больше, ни меньше, чем понятие» [Там же. С. 925]. Такая взаимосвязь понятия и *конструируемого* предмета исключает возможность сомнений в полноте (*обстоятельности*) понятия и, следовательно, надобность в доказательстве истинности *дефиниции*. Поэтому-то, считает Кант, «математические дефиниции никогда не могут быть ошибочными» [Там же. С. 927]. И именно поэтому «математика должна и всегда может начинать с дефиниций» [Там же].

²⁵ «*Обстоятельность* означает ясность и достаточность признаков; *границы* означают точность в том смысле, что признаков дается не более чем нужно для полного понятия; *изначально* же означает, что определение границ ниоткуда не выводится и, следовательно, не нуждается в доказательстве, иначе предполагаемое объяснение не могло бы предварять все суждения о предмете» [5. С. 921–923].

Иначе в *естествознании* и в других неутилитарных *теоретических науках*, которые, напомним, на рубеже XVIII–XIX веков все вместе и по отдельности, включая математику, назывались *философией*. Здесь *понятие* дается *другим путем*, чем его предмет, и Кант, как мы знаем, принципиально отказывается от детального воспроизведения этого *пути*, отмечая лишь его общее направление от *чувств* – к *рассудку* и, наконец, к *разуму*²⁶. В начале этого движения понятие вещи – *эмпирическое*, а его вербальное определение описывает «лишь некоторые признаки того или иного вида предметов чувств» [5. С. 923], достаточные на этом этапе для различения предмета, но не дающие уверенности в полноте понятия. «...Новые же наблюдения заставляют устранять одни признаки и прибавлять другие, так что понятие никогда не остается в прочных границах» [Там же]. Так что в *естествознании* и во всей *философии* определение понятий – это почти бесконечный процесс уточнения их содержания, а поэтому слово *дефиниция*, полагал Кант, следовало бы в этих областях теоретического познания заменить другим латинизмом – *экспозиция* (die Exposition). Впрочем, Кант готов смириться и со сложившимся чересчур расширительным, по его мнению, употреблением слова *дефиниция* при четком осознании того, что «в философии дефиниция со всей ее определенностью и ясностью должна скорее завершать труд, чем начинать его» [Там же. С. 925–927]²⁷.

Представления о кантовском понимании *теоретического познания* будут неполными, если оставить без рассмотрения термин *теория* (die Theorie). В работах докритического периода, посвященных естественно-научной проблематике, слово *теория* встречается довольно часто, а способ его употребления примерно такой же, как и в наши дни, т. е. в качестве результата теоретического познания, обязанного *совпадать с наблюдением* [18. С. 168]²⁸. В двух первых *Критиках* этот термин не встречается. Видимо, он был вытеснен словосочетанием *теоретическое познание* (theoretische Erkenntnis), которое у Канта означает не только познавательный процесс, но и (даже чаще всего) – его результат, и совпадает по значению с *теорией*²⁹. Это слово вновь появляется в последней *Критике* и в более поздних работах, а в *Метафизике нравов* даже утверждается, что «за пределами определений природы нет никакой теории» [11. С. 125], что, конечно же, удивляет наших современников, знакомых со множеством экономических, социологических, культурологических, политических и других теорий. Видимо, загадочность этой фразы для читателя конца XX века послужила причиной новой, сравнительно с изданием 1965 г., и совсем уже малопонятной редакции ее в 8-томном, 1994 г., издании сочинений Канта – «для определений природы за их пределами нет никакой теории» [12. С. 239].

Однако ограничение *природой* предметной области любой *теории* вовсе не означает, будто Кант ограничивал применение слова *теория* только к естественно-научным теориям, хотя такое толкование его слов вполне возможно, если вспомнить, что едва ли не все обществоведческие и гуманитарные науки на рубеже XVIII–XIX вв. еще только формировались, хотя их корни можно найти в глубокой древности. Возникновению интереса к объяснениям поведения людей способствовала усложнявшаяся прямо на глазах социальная жизнь и секуляризация

²⁶ «Всякое наше познание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцаний...» [5. С. 461].

²⁷ В примечании к этой фразе о *философских* дефинициях говорится, в частности: «Дойти до дефиниции приятно, однако нередко очень трудно. Юристы и до сих пор ищут дефиницию для своего понятия права» [Там же. С. 927].

²⁸ См., напр., названия его докритических работ: *Всеобщая история и теория неба* (1755), *Новые замечания для пояснения теории ветров* (1786), *Новая теория движения и покоя* (1758).

²⁹ См. комментарий Н. В. Мотрошиловой [2. С. 122].

интеллектуальной деятельности в Европе, которые выдвигали на первый план вопрос о том, что движет людьми в их индивидуальной и общественной жизни помимо религиозных убеждений и наряду с ними.

Еще не было социологии, но уже существовала широко известная экономическая теория Адама Смита, по-своему объяснявшая неизбежные законы деятельности свободно хозяйствующих субъектов. Никто еще не догадывался о возможности специальных культурологических исследований, но латинизм *культура* уже входил в широкое употребление, чтобы в конце XIX века составить главную противоположность *природе*, оттеснив на периферию европейского сознания оппозицию *природа – искусство*, которая более двух тысяч лет очерчивала проблематику *теоретических и практических наук*. Да и историческая наука (иногда под именем *философия истории*, как у Вольтера) уже обособлялась от назидательных повествований о героях прошлого, отыскивая средства, позволяющие с максимальной возможной достоверностью говорить о том, что действительно было, а чего никогда не было и является выдумкой³⁰.

Ответом на запросы своего времени является, конечно, и этическое учение Канта, согласно которому вера в Бога есть следствие моральных исканий людей, а не наоборот. Но не только вопросы соотношения морали и религии волновали Канта. Его живо интересовали и проблемы исторического познания, о чем говорят одни только названия двух его поздних работ – *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане* (1784) и *Предполагаемое начало человеческой истории* (1786). Показательны и собственные попытки Канта создать новые гуманитарные науки. Одну из них, которую он разрабатывал и много лет читал в качестве лекционного курса, Кант называл *антропологией с прагматической точки зрения*, чтобы отличить ее от биологической дисциплины – *антропологии с физиологической точки зрения*³¹. Размышляя над сутью этих наук и других форм гуманитарного знания, Кант столкнулся с проблемой отнесения их к той или иной рубрике в его классификации видов познания.

Если *антропологию с физиологической точки зрения* Кант без каких-либо колебаний относил к *теоретическому* (а точнее – к *телеологическому*, см.: [2. С. 122]) познанию, то *прагматическое знание о человеке*, предмет которого – «то или иное наблюдаемое человеческое свойство, находящее свое выражение в сфере практического...» [13. С. 141], вынуждало его отвечать на вопрос, к какому виду – *практическому* или *теоретическому* или, может быть, специальному *антропологическому* – относится эта разновидность *гуманитарного знания*³². Вспомним, что

³⁰ Только к середине XIX века благодаря деятельности Л. Ранке и его учеников, разработавших понятие *историческое*, историки сумели ограничить предмет своей познавательной деятельности, которым окажутся не все свидетельства прошлого, но только письменные источники, фиксирующие поступки *людей*, от *неисторической* палеонтологии, реконструирующей жизнь древних животных, и *доисторической* археологии, исследующей исчезнувшие культуры только по материальным артефактам. А пока, на рубеже XVIII–XIX вв., слово *история* имело более широкий круг значений, близкий античному, который позволял Плинию Старшему в I в. назвать свой труд *Естественной историей*, а Ж.-Б. Ламарку назвать реорганизованный им в 1793 г. Королевский ботанический сад *Музеем естественной истории*.

³¹ «Систематически изложенное учение, предлагающее знание о человеке (антропология), может быть построено с *физиологической* или с *прагматической* точки зрения. Физиологическое знание о человеке исследует то, что *природа* делает из человека, прагматическое – то, что он в качестве свободно действующего существа делает или может и должен сделать из себя сам» [13. С. 138].

³² В *Антропологии* дважды упоминается и некое *антропологическое знание*, которое Кант отличает от *теоретического*. Так, «знание о человеческих расах в качестве продуктов игры природы» он относит «не к **прагматическому**, а лишь к **теоретическому знанию** о мире» [13. С. 139] (выделено мной. – Г. Б.). Возможно, Кант одно время рассматривал *прагматическое знание* как особый

Кант, еще только трудившийся над первой *Критикой*, но уже несколько раз прочитавший курс *прагматической антропологии*, ничуть не сомневался в практическом характере ее положений [14. С. 535], но отказывался включать их в состав будущей *практической философии*, которая есть *наука правил, как должен вести себя человек*, а *антропология* изучает *правила* всего лишь *действительного поведения* [24. С. 3]. За границами *практической философии* он тогда же оставлял и практические знания о *правилах умения (технические императивы)*, зато включал в ее состав *прагматическую философию*³³. В *Критике способности суждения* об этом уже не могло быть и речи, поскольку в ней *прагматические императивы* были окончательно переведены в разряд *технически-практических*, которые относятся «к теоретической философии (как учению о природе)» [8. С. 81].

В *Предисловии* к этой последней *Критике* Кант пообещал *незамедлительно* перейти к «доктринальной части, чтобы по возможности использовать еще отведенное мне в моем преклонном возрасте время» [Там же. С. 77]. Однако, как это случалось уже не раз, научная добросовестность заставила Канта отложить завершение и публикацию давно лелеемой *Метафизики нравов*, изданной только через семь лет, в 1797 г.³⁴ Интенсивная работа над ней привела его к очередной корректировке и уточнению воззрений на состав *практической философии* и суть *теоретического познания*, которые потребовали публикации в 1793 г. работы *О поговорке «Может быть это и верно в теории, но не годится для практики»* (далее: *О поговорке*. – Г. Б.).

К числу важнейших задач этой работы относится доказательство практической применимости результатов *теоретического познания*, а также значительное расширение его предметной области. Последнее было важно не только потому, что критикуемая Кантом скептически-насмешливая поговорка говорила о несправедливом, по его убеждению, отношении современников к труду ученых-теоретиков, но и потому, что его собственная *критика разума*, резко противопоставив предметы *теоретического* и *практического* видов познания, ставила под вопрос практическую полезность теоретического знания *предметов*, недоступных произвольному изменению. Во вводной части работы Кант дает дефиницию *теории*, позволяющую считать объектами *теоретического познания* не только *предметы опыта*, наиболее адекватно воплощающие идею неумолимой *природы* с ее всеобщими и необходимыми законами, но и *практические правила поведения*, приверженность или пренебрежение в отношении которых целиком зависит от свободной воли. «Совокупность правил, пусть даже практических, называют *теорией* в том случае, когда правила эти мыслятся как принципы в некоторой всеобщности, и притом отвлеченно от множества условий, которые, однако, необходимо имеют влияние на их применение» [9. С. 241].

Говоря о *теории* как о *совокупности практических правил*, на применение которых влияет *множество условий*, Кант имеет в виду прежде всего *правила уме-*

вид знания, но, может быть, и как разновидность *практического*, а использование (всего 2 раза) термина *прагматическое знание* – это рудимент из его раннего проекта *прагматической философии*.

³³ «Практическая философия содержит не правила умения, но правила благоразумия и нравственности. Она, таким образом, есть прагматическая и моральная философия: прагматическая в отношении правил благоразумия, а моральная – в отношении правил нравственности» [24. С. 5].

³⁴ Вспомним, что в конце 1773 г., т. е. за 8 лет до издания первой *Критики*, Кант пишет Герцу о *радостном* предвкушении скорого окончания работы над *Критикой чистого разума*, после чего он собирался сразу же опубликовать *Метафизику нравов*, «чему я радуюсь уже теперь» [14. С. 496]. Но за изданием *Критики чистого разума*, работа над которой из-за боязни не закончить задуманное была *насильственно*, по выражению Э. Кассирера, прекращена, последовала публикация *Основоположения метафизики нравов*, потом – неожиданно ставшая отдельной книгой *Критика практического разума* и идущая следом *Критика способности суждения*, где теоретические и практические суждения обособляются от сходных с ними телеологических и эстетических.

ния. Практическую же беспомощность некоторых артиллеристов, агрономов, врачей и других специалистов он объясняет не различием практических знаний о правилах произвольного изменения вещей и манипуляций с ними, и нетеоретическим знанием о неизменных характеристиках предметов опыта, а неумением пользоваться определяющей способностью суждения, функция которой – подводить частные случаи под правило (Regel), формулируемое большей посылкой. Но теорией Кант называет не только знание технически-практических правил (Regeln), которые в последней Критике отнесены к области понятий природы и именно поэтому не могут входить в состав практической философии.

В первом параграфе под названием *Об отношении теории к практике в морали вообще* он доказывает практическую применимость своей теории (meine Theorie) морали, «которую я изложил в другом месте» [9. С. 249], имея в виду Критику практического разума, сжатое изложение основных положений которой составляет основное содержание этого параграфа. Здесь нет ничего, о чем Кант уже не писал раньше за исключением того, что свои критические исследования морали он впервые называет теорией, т. е. результатом теоретического познания. Уже только потому, что результаты исследования морали в *Основоположении к метафизике нравов* и в *Критике практического разума* Кант называет теорией, они, вопреки распространенному мнению, не могут быть частью его практической философии, изложение которой он ограничивает *Метафизикой нравов*.

Впрочем, Кант и в ранний критический период, и в поздний не устал повторять, что критика разума – это пропедевтика, предварительное исследование возможности метафизики как науки, не являющееся частью системы чистого разума [5. С. 39, 79] и не входящее в систему философии [8. С. 837]. Эта система, какой она видится Канту в период написания последней Критики, должна состоять из формальной части – логики и реальной части, которая разделяется «на теоретическую и практическую философию; так что одна должна быть философией природы, другая – философией нравов...» [Там же]³⁵.

Своеобразной пропедевтикой к правовым разделам практической философии, которые будут изложены в *Метафизике нравов* (Кант уже точно знает ее состав), стали два параграфа в работе *О поговорке*, в которых доказывается практическая значимость *государственно-правовой теории* и соответственно – *международно-правовой*. Первый из параграфов имеет подзаголовок *Против Гоббса*, второй – *Против Моисея Мендельсона*. Однако изложению и критике их воззрений посвящено всего несколько строк. Основной текст этих двух параграфов посвящен изложению собственной публично-правовой теории, впервые обнародованной Кантом. В будущей *Метафизике нравов* два раздела, посвящены *Публичному праву* и носят такие же названия: *Государственное право* и *Международное право*. Однако тематика и содержание одноименных параграфов и разделов двух работ разные, как различны тематика второй Критики и содержание *Метафизических начал учения о добродетели* – второй части *Метафизики нравов*. Работу *О поговорке* можно считать своеобразным продолжением Критики практического разума, которое должно было, в числе прочих, решить задачу теоретической пропедевтики права, с давних времен считавшегося, как и мораль, формой практического

³⁵ Кант, как уже отмечалось в предыдущей статье, стремился строго следовать этому плану, изложенному в не опубликованном при его жизни *Первом введении* в последнюю Критику и даже согласился, не имея уже достаточных сил, под своим именем издать в 1800 г. *Логик*, созданную на основе собственных набросков и студенческих конспектов его лекций, лишь одобрив работу, проделанную его учеником Г. Б. Йеше. С согласия Канта, а может быть, и по его настоянию, в *Логике* было включено *Прибавление* под названием *О различии между теоретическим и практическим познанием*, которое неожиданным образом разрывает последовательное изложение формально-логического материала.

знания, которое отличается, по Канту, от знания теоретического прежде всего происхождением из одного только *автономного разума*, не скованного в своих построениях *знанием* законов, которые предписывает природе *рассудок*, а потому законодательствующего (*gesetzgebend*) сообразно собственным идеалам.

Отнесение Кантом значительной части *морально-практических правил* к *теории* вызывает вопрос о степени корректировки им предметной области *теоретического познания*, которую до этого он ограничивал *предметами опыта*, предстающими перед нами и исчезающими из нашего поля зрения помимо чьей-либо воли. Морально-правовые *теории*, по сути, *гуманитарные*, отнюдь не *короллариум* из *теоретического естествознания*, которое изучает *предметы опыта*, наиболее адекватно воплощающие два *понятия природы* – математическую идею *мира* и динамическую идею *природы* как совокупности взаимодействующих *вещей*. Правда, по Канту, *область понятий природы* не исчерпывается двумя этими *идеями*. Теории *морали и права* – имеют дело с *третьей* ипостасью идеи *природы*, которая в первой *Критике* называется *формальным пониманием*, подразумеваемым, когда «мы говорим о природе жидкой материи, огня и т. п.» [5. С. 565], включая, добавим от себя, и *природу человека*. Именно *природу человека* он имел в виду, когда в *Метафизике нравов* утверждал, что *за пределами определений природы нет никакой теории*.

Несколькими строками ранее Кант называет *практические правила*, изучаемые *прагматической антропологией, теорией*, поскольку объектом ее изучения является «особая *природа* человека, которую можно познать только из опыта» [12. С. 124]. На основании ее *теоретичности* он подтверждает исключение *прагматической антропологии* из состава *практической философии*, позволяя ей лишь поставлять для *метафизики нравов* примеры как «последствия, вытекающие из всеобщих моральных принципов» [Там же]. *Природа человека* должна была стать объектом и проектируемой Кантом *моральной антропологии*. Эта наука должна исследовать «условия исполнения законов метафизики нравов в человеческой природе», а также «учения о создании, распространении и укреплении моральных основоположений (в области воспитания, школьного обучения и народного просвещения) и другие подобные учения и предписания, основывающиеся на опыте...» [Там же]. Иными словами, *моральная антропология*, если бы она была создана, как и антропология *прагматическая*, была бы тоже *теорией*, следовательно, противоположностью (*Gegenstück*) *практической философии*. «...Без моральной антропологии нельзя обойтись, но она ни в коем случае не должна быть предпослана метафизике нравов или смешана с нею...» [Там же].

Предметы опыта в гуманитарных науках – индивиды, *практические правила поведения* которых *разумны* и потому *свободны*; им можно следовать, а можно и не следовать в отличие от *предметов опыта*, изучаемых *теоретическим естествознанием*, законы поведения которых принудительно непреложны. Подлинную непреложность (*всеобщность и необходимость*) априорных суждений о *предметах опыта* обеспечивают, по Канту, их пространственно-временные характеристики и неизменность независимых от чьего-либо произвола свойств, позволяющая применять к ним приемы математического познания. Человеку, как и всем явлениям *природы*, конечно же присущи количественные параметры. Но что может дать знание этих параметров – размера, геометрических очертаний, места и времени совершения действий этим своевольным *предметом опыта* – для познания его *практических правил поведения* так, чтобы результаты были *всеобщими и необходимыми*, а *совокупность* этих *правил* можно было бы по праву назвать *теорией*? Впрочем, вопрос о возможности использования математики для *теоретического познания* поведения людей Кант считал для себя уже давно решенным.

В 1784 г., в период написания *Основоположения метафизики нравов*, которое Кант торопился издать, чтобы вплотную заняться *Метафизикой нравов*³⁶, он тем не менее публикует работу *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане*. В ней формулируется общий для всех гуманитарных исследований вопрос о том, почему действия людей, определяемые их *свободной волей*, вместе с тем, как говорит статистика, например, заключаемых браков, поддаются количественным, а значит *природным* закономерностям³⁷. Ответ Канта: относительно всего *человеческого рода* имеется некий *замысел природы* (Naturabsicht), который, не подозревая этого, выполняют *лица*, преследующие свои собственные, свободно избранные цели. Позже Гегель назовет такую совместную работу людей для достижения неизвестной им цели *хитростью мирового разума*. Выражения *замысел природы, природа захотела* (die Naturhatgewolt), *природа не делает ничего лишнего* (die Naturtutnichts über-flüssig), широко употребляемые в литературе его времени, Кант использует в этой статье в качестве метафор, иносказаний. Он был с теми, кто изгонял целевые причины из арсенала *теоретического познания*. Но Канту, торопящемуся к завершению *Основоположения* и началу работы над *Метафизикой нравов*, было важно зафиксировать, не вдаваясь в детальное исследование, что разнонаправленные *действия* людей, будучи *проявлением их свободы воли*, «точно так же, как и всякое природное явление (Naturbegebenheit), определяется всеобщими законами природы» [29. С. 81]³⁸.

Убеждение в возможности *теоретического* знания о *практических правилах свободного поведения* людей не исключает, по Канту, возможности *практического* познания несколько иных *правил поведения*, которое преследует иные цели и осуществляется иным способом, чем познание *теоретическое*. Эти иные *правила* составляют основное содержание *Метафизики нравов*. Иной, чем в *критических* работах, и характер их изложения. Если в *Критиках* и примыкающих к ним работах высказываемые положения доказываются, то в *Метафизике нравов* тезисы излагаются без каких-либо аргументов, которыми, по Канту, нельзя считать примеры воплощения в жизнь излагаемых *правил поведения*, которые, взятые из *антропологий*, лишь поясняют читателю суть этих правил, но не доказывают их истинности. Нельзя считать аргументами и ссылки на авторов, которые впервые сформулировали эти тезисы. Да и как можно доказывать истинность, т. е. соответствие действительности, императивных по своей сути *правил поведения*? Кант и не делает этого.

В задачу книги *Метафизика нравов* входит не изложение и доказательство впервые *открытых* им истин, а разъяснение подчас давно известных положений той *метафизики нравов*, иметь которую «есть даже *долг*, и каждый человек имеет ее в себе, хотя обычно в довольно туманном виде» [11. С. 123]. Кант здесь отводит себе роль платоновского Сократа, помогающего собеседнику *вспомнить* уже имеющиеся у него знания. Только эти специфические знания, по Канту, приобретаются не *припоминанием* прообразов вещей, а с помощью *практического познания*.

³⁶ Подробнее о творческих планах Канта и их исполнении см. Статью первую [2].

³⁷ «Так, браки, со следующими за ними рождениями, и смерть кажутся не подчиненными никакому правилу, согласно которому заранее, посредством вычислений, можно было бы определить их число – поскольку свободная воля человека оказывает на них столь сильное воздействие, – и тем не менее соответствующие ежегодные таблицы в больших странах доказывают, что они происходят согласно неизменным законам природы, так же как и те столь неустойчивые колебания погоды, наступление которых нельзя заранее предсказать в отдельных случаях, но которые в целом поддерживают в равномерном и непрерывном движении нужный рост растений, течение рек и другие устройства природы» [29. С. 81].

³⁸ До квантовой механики с ее вероятностными статистическими закономерностями, которую не понимал и не любил Эйнштейн (*бог не играет в кости*), было еще очень далеко, как и до математических методов, используемых современной социологией.

ния. Для понимания его сути придется еще раз вернуться к словам из *Предисловия* ко второму изданию *Критики чистого разума*, где Кант утверждает, что разум может «либо просто давать *определение* этому предмету и его понятию... либо *делать* его *действительным*. Первое означает *теоретическое*, а второе – *практическое познание разума*» [5. С. 10, 11]³⁹.

В отличие от словосочетания *теоретическое познание разума*, выяснению смысла которого посвящена предыдущая часть данной статьи, значение слова *разум* в выражении *практическое познание разума* вопросов не вызывает. *Разум* здесь – это практическая познавательная способность, функция которой – руководить практическими, т. е. свободными, поступками людей, действия которых бывают подчас и неразумными, и несвободными – принуждаемыми *патологической*, или *животной, волей* (*arbitrium brutum*). Вопросы вызывают высказывания, согласно которым *практическое познание* состоит в том, чтобы *делать предмет действительным*. Что означает выражение *делать действительным*? Что познается в процессе *практического познания*: *предмет*, который *делают действительным*? или *правила поведения*, позволяющие *делать предмет действительным*? или какие-то иные правила, которыми следует руководствоваться в практической деятельности? Каким образом происходит *практическое познание*?

Выражение *делать (предмет) действительным* – это калька использованного Кантом оборота *wirklich zu machen*, который у немецкоязычных читателей, возможно, не вызывает подобных вопросов. Русскоязычные же знают, что слово *действительное* (немецкое *wirklich*) и однокоренные термины используются в русском языке во множестве переносных значений, но образованные от глагола *действовать* (в немецком *wirken*) почти никогда не употребляются в *собственном* смысле, буквально означая *созданное* в результате *действия* – *действительность* (калька немецкой *die Wirklichkeit*). В буквальном значении термин *действительное* очень близок со словом *сделанное*, т. е. *созданное* в результате *делания*. Вероятно, советские издатели *Критики чистого разума*, учитывая почти синонимическую в ряде случаев близость слов *делать* и *действовать*, перевели оборот *wirklich zu machen* не буквально, как это сделал в свое время Н. О. Лосский [4. С. 18] и воспроизвели редакторы современного двуязычного издания [5. С. 11], а одним русским словом *осуществлять*. Осуществлять предмет означает *делать его существующим*.

Делать предмет действительным или *осуществлять* его – оба этих выражения говорят о созидании предмета в соответствии с мыслью о нем (замыслом, идеей, проектом). Поскольку речь идет о *познании*, то вряд ли Кант имел в виду реальное создание телесных вещей, в результате которого, как полагал его младший современник и критик Ф. Г. Якоби, *непосредственно* (без посредства умозаключений) усваивают математические аксиомы. Скорее, Кант под *превращением предмета в действительность* (можно ведь и так передать немецкий оборот *wirklich zu machen*) подразумевал интеллектуальную деятельность, схожую с той, которую сейчас называют *проектированием*.

Проектированию в наши дни предшествует проектное задание, выражающее требования к обязательным характеристикам желаемого предмета, которые не могут быть изменены ни при каких условиях. Проектное задание вместе с общепринятыми и законодательно установленными нормативами – это своеобразный *категорический императив*, обязательный для проектировщика. Само же проектирование – это процесс *создания* проекта, т. е. превращение бесплотного идеала,

³⁹ «...Ihre Erkenntnis kann auf zweierlei Art auf ihren Gegenstand bezogen werden, entweder diesen und seinen Begriff (der anderweitig gegeben werden muß) bloß zu bestimmen, oder ihn auch *wirklich zu machen*. Die erste ist *theoretische*, die andere *praktische Erkenntnis* der Vernunft» [5. С. 10].

контуры которого лишь угадываются в проектном задании, в отчетливый детальный образ желанного предмета, который уже *существует*, не занимая реального места, в виде *утопии*, готовой к тому, чтобы ее превратили в действительность по правилам, разработанным проектировщиком⁴⁰. Работу *Метафизика нравов* можно трактовать как проект моральных и правовых начал общественного устройства, которые познаются каждым здравомыслящим человеком, «который уважает моральный закон и которому приходит на ум мысль (он вряд ли может избежать ее), какой мир, руководствующийся практическим разумом, он *создал бы*, если бы это было в его силах, и притом так, чтобы и сам он оставался в нем как его часть...» [11. С. 10].

Но проектирование на основе недавно изобретенной во Франции начертательной геометрии, которая превращала инженера из редкостного *хитреца*, обманывающего *природу*, в представителя массовой профессии, еще только начиналось, а галлицизм *прожект* (das Projekt) еще не вошел в немецких землях в широкий оборот, и неизвестно, использовал ли бы его Кант для описания *практического познания*, если бы дело обстояло иначе. Как бы то ни было, о процессе познания правил поведения он, верный своему отказу от воспроизведения движения мысли на пути к знанию, написал еще меньше, чем о познании *теоретическом*. Лишь несколько примеров разных видов познания, а также сопоставления их друг с другом и с иными видами интеллектуальной деятельности позволяют в общих чертах понять, чем еще кроме своих предметов, которые либо *определяют*, либо *делают действительными*, отличается *практическое* познание от *теоретического*.

Так, в *Антропологии*, которую Кант считал поставщиком примеров для своей *практической философии*, разъясняются функции познавательных способностей в различных видах практической деятельности. «Действующий соответственно строгому приказу слуга или государственный служащий нуждается только в рассудке; офицер, которому для выполнения задания дано лишь общее правило и представляется самому определить, как поступать в каждом данном случае, должен обладать способностью суждения; генерал, которому надлежит судить обо всех возможных случаях и самому разработать для них правила, должен обладать разумом» [13. С. 223]. Кант, объясняя успехи и их отсутствие в исполнении разными людьми одних и тех же практических функций, добавляет: «Необходимые для этих различных видов деятельности таланты очень различны» [Там же].

Наличием или отсутствием *таланта* объясняется в *Антропологии* и различие в результатах интеллектуальной деятельности индивидов, обладающих одинаковыми познавательными способностями. Из рассуждений Канта о *талантах* становится также ясно, что он не считал научное *открытие* главной целью *теоретического* познания, а *изобретение* вещи или способа действия – познания *практического*⁴¹. И *открытие*, и *изобретение* – события достаточно редкие и зачастую неожиданные даже для самих первооткрывателей и изобретателей, обладающих особыми *талантами*, этими *дарами природы*, которыми невозможно

⁴⁰ Любой проект инженерного сооружения, государственного или общественного устройства – это *утопия*, т. е. то, что не занимает *места*, следовательно, по средневековым, да и современным критериям, не существует. Пока не существует. *Утопическое* не значит *неосуществимое*, но только – *несуществующее*. Всякое практическое *действие* людей – это осуществление их проектов-утопий, которые из больших и малых *идей* превращаются в *действительность*, в нечто *существующее*, занимая свое *место*. Осуществленное нередко серьезно отличается от проекта, но Платон давно уже заметил, что вещи лишь подобия идей и, значит, никогда не способны стать их точной копией.

⁴¹ «*Изобрести* что-то – совсем не то, что *открыть*. Ибо то, что открывают, предполагается уже до того существовавшим, оно только не было известным... а то, что изобретают... совершенно не было известно до того, как было создано» [13. С. 253–254].

поделиться с другими⁴². Ничего не говорит он и о предсказательной функции, которая, в глазах современной нам *философии науки*, является чуть ли не единственным оправданием теоретических исследований. Цель *теоретического познания*, осмысляемая Кантом в оппозиции к *практическому*, не предполагает подобного оправдания бескорыстного поиска истины.

Главные же цели двух видов познания, достижение которых, надо полагать, доступно не только гениям, но и любому здравомыслящему индивиду, формулируется в *Критике чистого разума*: «Я ограничиваюсь здесь дефиницией теоретического познания как такого, посредством которого я познаю, что *существует (daist)*, а практического – как такого, посредством которого я представляю себе, что *должно существовать (daseinsoll)*» [5. С. 812]⁴³.

В этих суждениях о целях познания Кант исходил не только из восходящего к Аристотелю противопоставления двух видов знания. Не меньшее значение для него имела и более древняя оппозиция, которую впервые артикулировал Парменид, разграничивший достоверное *знание* (ἐστίμη) и *мнение* (δόξα). Это разграничение на долгие века определило основную цель науки как познания того, что *есть, было и будет всегда* и что древние называли *бытием*, в отличие от всего изменчивого, непостоянного, становящегося, о чем можно иметь лишь такое же непостоянное *мнение*. Из подобного убеждения исходил Эмпедокл, создавая учение о четырех элементах, которые *есть*, и состоящих из них изменчивых *вещах*, то возникающих, то исчезающих. Та же оппозиция лежит в основе воззрений Демокрита, для которого неразложимые далее *атомы* и есть бытие, тогда как свойства состоящих из них вещей – лишь предмет *мнения*. Об изменчивых *вещах* как предметах *мнения* и вечных *идеях*, о которых только и возможно неопровержимое знание (ἐπιστήμη), говорил и Платон.

«...То, что составляет предмет научного знания (ἐπιστήτων), – утверждал Аристотель, – существует с необходимостью, а значит, вечно, ибо все существующее с безусловной необходимостью вечно, вечно же не возникает и не уничтожается» [1. 1139 a16]. О том, что уже *есть* и навсегда останется таким же, *никто не принимает решений*, утверждал Аристотель⁴⁴. Они доступны только *созерцанию* (θεωρία) с помощью чувств и *созерцающего (теоретического) ума*, смирившегося с невозможностью изменить их в соответствии с нашими *желаниями*. Однако помимо *созерцающего* у нас, полагал Аристотель, есть еще особый ум – *ум, размышляющий о цели*. Цель, о которой размышляет этот ум, – «это предмет жела-

⁴² Кант, говоря о тех, кто совершает *открытия*, утверждает, что «существуют люди, обладающие талантом как бы с помощью волшебной палочки открывать сокровища познания, хотя они этому и не учились; но научить этому они никого не могут, они могут только показать, как они это совершают, ибо это дар природы» [13. С. 253]. А человека, наделенного *талантом к изобретению*, Кант называет даже *гением*. «...Так всегда именуют только *мастера*, т. е. того, кто умеет что-то *сделать*...» [Там же. С. 254].

⁴³ «Ich begnüge mich hier, die theoretische Erkenntnis durch eine solche zu erklären, wodurch ich erkenne, was *da ist*, die praktische aber, dadurch ich mir vorstelle, was *dasein soll*» [5. С. 812]. В предыдущей статье отмечалось, что Кант для обозначения *существования* использовал не латинизм *Existenz* и не субстантивированный глагол *Sein* (*ist* – это форма его настоящего времени единственного числа), обязывающее, с его точки зрения, описывать пространственно-временные характеристики познаваемого предмета, а слово *Dasein*, буквально означающее *наличие, присутствие* [2. С. 132–133]. Он добавляет к глаголам *ist* и *sein* местоимение *da* (буквально – *тут*), подчеркивая, что установление *существования* предмета – главная цель *теоретического* познания в отличие от *практического*, занимающегося познанием, которое *должно быть (dasein soll)*, но может и не быть, если у нас не достанет воли для его осуществления.

⁴⁴ «Никто не принимает решения о вечном, скажем о космосе или о несоизмеримости диаметра и стороны квадрата, а также о том, что, изменяясь, всегда изменяется одинаково, будь то по необходимости, или по природе, или по какой-то иной причине (как, например, солнцевороты или восходы)» [1. 1111 b20-25].

ния», также независимый от наших *решений*, предметом которых могут быть только «средства к цели» [1. 1113b5]. Такими *средствами*, о которых мы *принимаем решения*, может быть только то, «что зависит от нас и осуществляется в поступках» [Там же. 1112 a30]. Рассматривая сферу, где возможны поступки, зависящие от наших решений, Аристотель ограничивает ее *будущим*. «...О прошедшем не принимают решений, [их принимают только] о будущем и о том, что может быть, а прошедшее не может стать не бывшим...» [Там же. 1139b5]. Эти здравые рассуждения античного гения стали основой эллинистических и средневековых воззрений перипатетиков на *теоретические и практические науки*, сохранившиеся и в метафизике XVII–XVIII вв.

В размышлениях о сути *практического познания* Кант отпирался от этих воззрений современной ему метафизики, которую он попытался реформировать самым радикальным образом. Так, из числа *наук теоретического познания* он исключил метафизические дисциплины: *рациональную (естественную) теологию, рациональную психологию, рациональную космологию*, а вместе с ними – их предметы, которые, как считалось, вечны. Два из них – *мир и душа* – сотворены, но далее обречены на недоступную исчислению вечность. Единственными объектами *теоретического познания*, независимыми от чьих-либо *решений*, остаются, по Канту, самостоятельно возникающие, меняющиеся и исчезающие *предметы опыта*. Главная цель этого вида познания – отличить то, *что есть (daist)*, от иллюзий, от всего лишь вероятных гипотез, от *мнений*, претендующих называться *знанием*⁴⁵, а также от того, что *должно быть (dasein soll)* или *должно произойти (geschehen solle)*, уточняет он в следующем предложении главную цель *практического познания*⁴⁶.

То, что *должно произойти*, – это *поступок*, руководимый тем или иным *правилом поведения*, говорящим о том, что *должно быть*. Поступок – это *средство*, с помощью которого достигается желанная *цель*. Кант почти дословно повторяет Аристотеля: «Практическое правило есть всегда продукт разума, потому что оно предписывает поступок в качестве средства для... цели» [6. С. 323]. Однако Кант дифференцирует *практические правила*, противопоставляя *техническим и прагматическим* императивам *веления нравственности* и требуемые ими *поступки*, которые он считает их конечной целью, а не средством для достижения чего-либо другого, более ценного.

Взгляды Канта на *разум* и его *практическое познание* отличаются от представлений Аристотеля о деятельности *ума, размышляющего о цели*, еще и исключением *будущего* из сферы возможных *решений*. Он полагал, что при характеристике *практической* деятельности *разума* неприменимы любые *формы времени*, так как «в *практическом* отношении... мы находим совершенно иное правило и иной порядок, чем естественный порядок» [5. С. 717]. *Естественный порядок* – это тот порядок *предметов опыта*, который, по Канту, задается *рассудком* и действующей совместно с ним *чувственностью* с ее *априорными формами* – про-

⁴⁵ Интересны рассуждения Канта о *трех ступенях убеждения: мнении, вере и знании*. «Мнение есть сознательное признание чего-то истинным, недостаточное как с субъективной, так и с объективной стороны. Если признание истинности суждения имеет достаточное основание с субъективной стороны и в то же время считается объективно недостаточным, то оно называется *верой*. Наконец, и субъективно и объективно достаточное признание истинности суждения есть *знание*. Субъективная достаточность называется *убеждением* (для меня самого), а объективная достаточность – *достоверностью* (для каждого)» [5. С. 1031].

⁴⁶ «Diesem-nach ist der theoretische Gebrauch der Vernunft derjenige, durch den ich *a priori* (als notwendig) erkenne, daß etwas sei; der praktische aber, durch den *a priori* erkannt wird, was geschehen solle» [5. С. 812]. Соответственно этому, теоретическое употребление разума есть то, посредством которого я *a priori* (как необходимое) познаю, что нечто есть, имеет место, а практическое – то, посредством которого я *a priori* познаю, что должно произойти» [Там же. С. 813].

странством и временем. «Чистый разум, – напоминает Кант об исключительно интеллигибельном характере этой познавательной способности, – не есть явление... к нему неприменим динамический закон природы, определяющий временную последовательность...» [5. С. 719]. Для разума «нет никакого *прежде* или *после*» [Там же. С. 721].

Рассудок, по Канту, не способен отказаться от спонтанного формирования *предметов опыта* и их *естественного порядка* после того, как неразрывно связанная с ним *чувственность* окажется аффицированной *вещью самой по себе*. Предмет же *практического разума* не навязан ему извне всем предшествующим ходом событий, но, будучи *представлением о возможном действии через свободу* [6. С. 421]⁴⁷, создается им самим в результате мысленного *превращения* того или иного *действия* в *действительность*. Иными словами, поступки человека – это не *патологические реакции* на разного рода *стимулы*, а результаты свободных *решений* его собственного *разума*, наличием которого он отличается от всех остальных животных.

Разум, освобожденный Кантом от *временной последовательности*, не считающийся с тем, что было *прежде* и что будет *после*, может быть обращен только на познание того, что должно быть (*dasein soll*) *всегда*. Эта изначальная обращенность *практического разума* к вневременному и, следовательно, к *вечному*, лежит в основе самостоятельно продуцируемых им *идей* – *Бога, души, свободы*, наличия которых *разум* требует, но не может доказать их существования. Знание о существовании (*Dasein*) приобретается с помощью приемов *теоретического познания*, которому недоступны предметы, создаваемые чисто интеллигибельной способностью. Ни *рассудок*, ни *разум* не дают никому возможности «хвастаться, будто он *знает*, что Бог и загробная жизнь существуют...» [5. С. 1039].

Итогом теоретического познания этих предметов может стать лишь *доктринальная вера*, которая «содержит в себе нечто нетвердое» [Там же. С. 1037]. Итогом *практического познания* может стать *моральная вера* – *убеждение*, обладающее *моральной достоверностью*. Но, поскольку такое убеждение *опирается на субъективные основания*, «я не могу даже сказать: *имеется* моральная достоверность, что Бог есть и т. д., а могу лишь говорить: *я морально уверен*...» [Там же. С. 1039]. Конечно, ни эти, ни более поздние рассуждения Канта о *моральной уверенности* в бытии Бога вовсе не являются *доказательством*, а объяснением причин религиозной убежденности, *философией религии*, как стали называть подобные объяснения, начиная с Гегеля. Специфика *философии религии* Канта в том, что он видит истоки религиозной веры не в невежестве первобытных людей, а в *разуме*, которым не обладают безрелигиозные животные.

Кант уделяет мало внимания *практическому познанию правил умения* и включенных позже в их состав *правил благоразумия*, рассматривая их, главным образом, для демонстрации исключительности *морального императива*. «Как возможен императив умения, это, конечно, не нуждается в особом исследовании. Кто хочет цели, тот хочет (поскольку разум имеет решающее влияние на его действия) также и совершенно необходимого для нее средства, которое находится в его власти» [6. С. 131]⁴⁸. Однако недостаточное, с современной точки зрения,

⁴⁷ «...Быть предметом практического познания... означает только отношение воли к поступку, через который этот предмет или его противоположность становится действительным (*wirklich gemacht würde*)... Объекты практического разума – это объекты *добраго* и *злого*. Под первым понимают необходимый предмет способности желания, а под вторым – необходимый предмет способности отвращения...» [5. С. 421–423].

⁴⁸ Кант предположить не мог, до каких масштабов на рубеже тысячелетий вырастет промышленный шпионаж, целью которого станет похищение *императивов умения*, называемых те-

внимание к *технически-практическим императивам* вовсе не превращало их в глазах Канта в некое подобие условных рефлексов, неподвластных свободной, а значит, разумной воле. «...Разум, – утверждал он, – есть постоянное условие всех произвольных поступков, в которых проявляется человек» [5. С. 719]. *Правила умения*, как и все *правила поведения*, являются *продуктами разума*, хотя их применение, считал Кант, зависит от множества условий, включая обстоятельства места и времени. Тем не менее почти все, что Кант говорит о *практическом познании*, относится и к познанию правил поведения с *вещами*. И итогом познаний этих правил также оказывается не *знание*, а *вера – прагматическая вера*, которая «лежит в основе действительного применения средств для тех или иных действий...» [Там же. С. 1033].

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика.
2. Болдыгин Г. В. И. Кант о специфике *теоретического* и *практического* видов познания (Статья первая) // Вестник Гуманитарного университета. – 2014. – № 3 (6). – С. 120–136.
3. Гегель. Феноменология духа : сочинения : в 14 т. – Т. IV. – М., 1959.
4. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского. – СПб., 1907, 1993.
5. Кант И. Критика чистого разума. – 2-е издание // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 2, ч. 1. – М., 2006.
6. Кант И. Критика чистого разума. – 1-е издание // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 2, ч. 2. – М., 2006.
7. Кант И. Основоположение метафизики нравов. Критика практического разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 3. – М., 1997.
8. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 4. – М., 2001.
9. Кант И. О поговорке «Может быть это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 1. – М., 1994.
10. Кант И. Прологомены // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 4. – М., 1994.
11. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения : в 6 т. – Т. 4, ч. 2. – М., 1965.
12. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 4. – М., 1994.
13. Кант И. Антропология // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 4. – М., 1994.
14. Кант И. Статьи и письма разных лет // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 8. – М., 1994.
15. Кант И. Из рукописного наследия. – М., 2000.
16. Кант И. Лекции по этике. – М., 2005.
17. Кант И. Новое освещение принципов метафизического познания // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 1. – М., 1994.
18. Кант И. Новая теория движения и покоя // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 1. – М., 1994.
19. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 2. – М., 1994.
20. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском праве // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 1. – М., 1994.
21. Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 1. – М., 1994.
22. Коперник Н. О вращениях небесных сфер. – М. : Наука, 1964.
23. Лейбниц Г. Переписка с Кларком. Письмо Якобу Томазию о возможности примирить Аристотеля с новой философией // Лейбниц Г.-В. Сочинения : в 4 т. – Т. 1. – М., 1982.
24. Eine Vorlesung Kants über Ethik / herausg. von P. Menzer. – Berlin, 1924.

перь «know how», самостоятельное познание которых требует особой интеллектуальной деятельности, многие черты которой впервые описал как раз Кант.